

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1⁽¹⁶⁾
ВЕСНА — ЛЕТО
2012

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
В.А. Иванова

От редколлегии. Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970)	5
<i>Б.В. Норик.</i> «Воспоминания» В.А. Иванова в Архиве востоковедов ИВР РАН	6
<i>А.И. Колесников.</i> Переписка В.А. Иванова с А. Корбэном (1947–1966)	10
<i>А.А. Хисматулин.</i> В. Иванов об учении Ахл-и Хакк	16
<i>П.В. Башарин.</i> Предания о святом Халладже на Памире в контексте суфийской житийной литературы	20

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Е.И. Кычанов.</i> Документ из тангутского государства Си Ся на китайском языке	24
<i>Н.В. Козырева.</i> Два клинописных текста начала II тыс. до н.э. из Южной Месопотамии, касающиеся городской недвижимости (YOS VIII 153, YOS XII 307)	28
«Диван» курдского поэта XVIII века Ранджури (транскрипция текста, образцы перевода <i>З.А. Юсуповой</i>)	38

ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ЛИЦАХ

Медведева Л.Я. (<i>Т.Ю. Евдокимова</i>)	59
Николаева О.С. (<i>В.В. Щепкин</i>)	60
Берлев О.Д. (<i>И.В. Богданов</i>)	62

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>И.Т. Канева.</i> Вставные предложения (на материале текстов новошумерского периода)	64
<i>С.Р. Тохтасьев.</i> Из комментариев к Константину Багрянородному	75
<i>Е.П. Островская.</i> О предмете буддийской философии	87
<i>И.С. Гуревич.</i> Дiachронический аспект анализа языка текстов разных жанров с идентичной сюжетной линией (XIV–XVI вв.): полученные результаты	97

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- И.В. Богданов.* Ливанская древесина *hntj-š* в египетских источниках эпохи Древнего царства 112
- М.И. Воробьева-Десятовская.* Академик В.П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) 132
- С.Л. Бурмистров.* Индийские историки философии в XX веке: выбор позиции 138
- Ю.А. Иоаннесян.* Понятие «Явителя Божьей воли» в бабизме и религии бахаи 151
- О.К. Мехтиева.* Из истории общины бахаи в России и СССР. Воспоминания очевидцев 174

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Я.В. Васильков.* Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну 188
- К.М. Богданов.* Материалы из коллекции Н.П. Лихачева в собрании ИВР РАН 207
- Т.А. Черная.* Карл Иванович Максимович — выдающийся российский «ботанический востоковед» XIX в. 212
- П.П. Муратов.* Цикл «Навстречу солнцу»: «Первые дни в Токио» и «Токийская жизнь» (вступительная статья и публикация текста *К.Г. Маранджян*) 242
- П.С. Тентюк.* Петербургская рукопись макама ал-'Аббаса и ее «аналог» в Австрийской национальной библиотеке 251
- С.М. Якерсон.* Ашкеназская рукопись как часть караимской истории. Об одной уникальной находке в Отделе рукописей и документов ИВР РАН 259

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Б.В. Норик.* К 125-летию со дня рождения В.А. Иванова. Вклад русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. 268
- Е.П. Островская.* Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга 271
- Т.А. Пан.* Дальневосточный семинар при ИВР РАН 274
- Т.В. Ермакова.* Дни П.С. Палласа в г. Палласовка 276

На четвертой стороне обложки:
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в.
(к статье Т.А. Черной)

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Маждова
О.В. Волкова
И.Г. Ким
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

© Российская академия наук, 2012
© Институт восточных рукописей РАН,
2012

РЕЦЕНЗИИ

- В.Г. Лысенко.* Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (*Е.П. Островская*) 278
- А.А. Непомнящий.* Подвижники крымоведения (*Л.В. Орел*) 281
- Grażyna Zajac. Smutna ojczyzna i ja smutny...* Kręgi literackie epoki Abdülhamita II w świetle tureckiej autobiografii (*Г. Мишкинене*) 284
- В.А. Лившиц.* Парфянская ономастика (*М.И. Воробьева-Десятовская*) 286
- И.В. Герасимов.* История публицистики Судана (*О.Б. Фролова*) 289

IN MEMORIAM

- Юрий Ашотович Петросян 292

Лысенко В.Г. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [Тексты]. — М.: ИФ РАН, 2011. — 233 с.

Фонд отечественной индианистической историко-философской литературы пополнился фундаментальной работой — монографией В.Г. Лысенко, посвященной узловым пунктам полемики буддийских и брахманистских (индуистских) мыслителей раннесредневековой Индии по вопросам эпистемологии. Данная проблематика, внедренная в научный дискурс в 1900-х годах академиком Ф.И. Щербатским (1866–1942), получила за истекшее столетие значительное освещение в индианистической литературе, но смысловое ядро индийской эпистемологии — оригинальные теории процесса восприятия — все еще остается далеко не исчерпанным. Рецензируемая монография, состоящая из двух глав исследования и антологии текстов, вносит существенный теоретический вклад в рассмотрение этих теорий.

В лаконичном предисловии к книге В.Г. Лысенко подчеркивает свою преемственность относительно Ф.И. Щербатского в способе подачи изучаемого материала — сочетание исследования с переводами извлечений из санскритских трактатов. Следует всемерно согласиться с автором в том, что только ознакомление с текстами позволяет войти в контакт с иной нежели европейская мыслительная традицией и вникнуть в свойственную именно ей культуру мышления. Однако В.Г. Лысенко в отличие от Ф.И. Щербатского ставит вопрос о контрпродуктивности использования европейской философской терминологии в переводах индийских произведений, опасаясь размывания культурной дистанции

между двумя регионально различными ветвями историко-философского процесса. Авторский замысел книги зиждется на идее обращения к индийской мысли как к «чужой», нуждающейся прежде всего в разъяснении собственной «инаковости» по отношению к европейскому наследию.

Указанная проблема, к сожалению, стала камнем преткновения в рассуждениях о диалоге культур, ведущихся в философских кругах с 1990-х годов. В прежних публикациях самой В.Г. Лысенко она обрела многоаспектное рассмотрение. Но вопрос, в какой именно терминологии разъяснять «чужое» и говорить о «чужом» в качестве «инакового», продолжает пробуксовывать в поисках общеметодологического решения. Востоковедные, и в частности индианистические, труды — комментированные переводы буддийских и брахманистских трактатов ввиду свойственной им высокой степени специализированности, как справедливо отмечает В.Г. Лысенко, так и не стали компонентом профессионального кругозора историков философии, не связанных с ориенталистикой непосредственно. Научно-популярная литература по индийской философии бедна и имеет слишком облегченный и поверхностный характер, чтобы на ее основе составить сколько-нибудь серьезное представление о южноазиатской мыслительной традиции и развивавшихся в ней эпистемологических теориях. Задав целью проанализировать спор буддийских и брахманистских философов о непосредственном и опосредованном восприятии, В.Г. Лысенко решила соединить свойственную востоковедению строгость в изучении письменных памятников с доступностью изложения исследуемого материала для невостоковедов.

Такой подход мотивирован актуальностью темы поиска истоков познавательной деятельности человека для экспериментальной

психологии и других социогуманитарных дисциплин, изучающих ранние стадии когнитивных процессов. Раскрытие индийских философских представлений о непосредственном и опосредованном восприятии, как полагает автор рецензируемой монографии, может способствовать расширению интеллектуальных горизонтов в этом проблемном поле и обогащению отечественного историко-философского дискурса.

Хочется отметить ту кристальную методологическую прозрачность, с которой написано введение к монографии. Автор начинает свои рассуждения о развитии теорий восприятия в философском споре буддистов и брахманистов с постановки ключевых вопросов, в равной степени занимавших южноазиатских и западноевропейских мыслителей. Является ли непосредственный перцептивный опыт неким эпистемологическим идеалом или он ценен сугубо в психологическом аспекте? Если он ограничен областью психологической интуиции, то важно ли его теоретическое осмысление? Возможно ли в принципе отгородиться от «сырых», неопосредованных мышлением стадий когнитивного процесса в пользу их многомерно опосредованных форм, запечатлевающих в генерализованных содержаниях сознания? Не окажемся ли мы неспособными дифференцировать мышление и акты перцепции, если отбросим задачу анализа неопосредованного восприятия? Но в то же время если решиться учитывать эти «сырые» перцептивные стадии, то как в принципе можно выявить их статус в качестве знания — когнитивного события?

Сумма данных вопросов конституировала базу эпистемологического дискурса в полемике индийских мыслителей на протяжении многих столетий. И те результаты схоластических дискуссий, которые зафиксировались в раннесредневековых санскритских трактатах, буддийских и брахманистских, позволяют взглянуть на современную тематику когнитивных исследований в ракурсе чужой, но отнюдь не чуждой в своих интеллектуальных исканиях культуры.

В.Г. Лысенко отмечает, что оригинальная эпистемология, развивавшаяся брахманистскими и буддийскими мыслителями с древности, имела религиозное измерение. Восприятие — *пратьякша* — являлось для них первейшим объектом изучения не только потому, что выступало фундаментом выводного

знания и других инструментов познавательного опыта. *Пратьякша*, лишенная какой-либо категоризации, а по мнению буддистов — и вербализации, служила прообразом *мокши* и *нирваны* — тех свободных от всеческой обусловленности и опосредованности состояний сознания, которые манифестировали достижение высшей цели религиозной жизни — освобождения от *сансары* (пребывания в круговороте рождений). В данном аспекте эпистемологический идеал непосредственности коррелировал с религиозным идеалом — непосредственным знанием о невозникновении новых рождений как результате аскетического подвижничества.

Будучи профессиональным историком философии и опытным индианистом-санскритологом, В.Г. Лысенко обоснованно подчеркивает причастность буддийских школ *сарваствивада* (другое название — *вайбхашика*) и *саутрантика* к тому же реалистическому направлению в индийской эпистемологии, к которому принадлежали и брахманистские школы *ньяя*, *вайшешика* и *миманса*. Все они, несмотря на религиозно-идеологические различия, признавали объект восприятия внешним по отношению к процессу познания. Соответственно спор буддийских и брахманистских мыслителей по проблеме восприятия начинается, по мысли В.Г. Лысенко, только с Дигнаги (480–540) и его трактата «Аламбана-парикша». Этот корифей буддийской эпистемологии выдвинул тезис о том, что в данных перцепции предстает не внешний объект как непосредственная данность, а ментальное представление о нем.

Пользуясь привычной европейской терминологией, автор рецензируемой монографии показывает, как благодаря Дигнаге развивалась в индийском эпистемологическом дискурсе дальнейшая дивергенция понятийного аппарата, закрепляющего различия между чувственным и рациональным уровнями познания. От чувственно воспринимаемой реальности Дигнага оставил в другом своем трактате — «Прамана-самуччая» («Собрание инструментов достоверного знания» — в переводе В.Г. Лысенко) лишь *свалакшаны* — ментальные во времени перцептивные свидетельства единичного нечто, конкретного, несводимого к чему-либо более общему. В.Г. Лысенко предпочла передавать термин *свалакшана* весьма удачным латинизмом — «партикулярия», хотя буквальное значение

этого атрибутивного санскритского сложного слова — «то, что имеет собственный признак».

Дискуссия о непосредственном и опосредованном восприятии, как справедливо акцентирует В.Г. Лысенко, развернулась не только между брахманистами, с одной стороны, и буддистами — с другой, но и в среде буддийских школ. Эпистемологи-реалисты полагали, что залогом достоверности выводного знания является именно чувственное восприятие того признака, который выступает основанием «умозаключения для себя», а в вербализованной форме — основанием силлогизма. Но Дигнаге такой потенциально вербализуемый признак представлялся не партикулярией, а результатом интеллектуального конструирования — «общей характеристикой» (*саманья-лакшана*). А поскольку логический вывод, как он полагал, имеет отношение к сконструированной реальности, а не к партикулярии, его достоверность заведомо относительна. Относительным критерием достоверности умозаключения является эффективность деятельности, базирующейся на выводном знании.

Автор книги отмечает типологическую особенность философского мышления Дигнаги, его комментатора Дхармакирти и их последователей-буддистов. *Пратьякши* представлялась им несомненным когнитивным событием, поскольку этот «сырой» домыслительный акт выступал интуитивным переживанием познания — моментального соприкосновения с реальностью. Свобода от мыслительного конструирования в этот момент свидетельствовала об истинности непосредственной перцепции, ее непричастности к многослойно обусловленному индивидуальному миру личности.

В.Г. Лысенко предельно отчетливо и последовательно артикулировала проблемы, порожденные теоретическими выкладками Дигнаги и востребованные затем в сложной реалистической метафизике брахманистских систем. Детальное знание современной научной дискуссии об индийских теориях восприятия позволило автору книги сконцентрировать собственное исследование на магистральных вехах развертывания эпистемологической полемики буддистов и брахманистов и подобрать для антологии адекватные теме санскритские источники.

Архитектура двух исследовательских глав опирается на строго выверенную стратегию

панорамного раскрытия предмета изучения. В главе 1 — «Введение в проблематику индийских теорий восприятия» рассматриваются три взаимосвязанные темы: 1) *прамананавада* как учение об инструментах достоверного знания; 2) теоретическое осмысление *пратьякши* (восприятия) в буддийских и брахманистских системах умозрения; 3) индийские интерпретации двух фаз восприятия — довербальное и доконцептуальное постижение объекта и его последующая идентификация в перцептивном суждении.

Глава 2 — «Буддийская теория восприятия от Абхидхармы до Дхармакирти и позиция реалистических школ вайшешики, ньяи и мимансы» посвящена анализу эпистемологических учений в той их историко-философской конкретике, которая подкреплена изданными прежде переводами индийских произведений на русский язык и текстами, вошедшими в составленную В.Г. Лысенко антологию и ею же переведенными.

Необходимо подчеркнуть, что доминирующая идея автора — сохранить «чужое» как «иное» и разъяснить эту «инаковость» — реализована на страницах обеих глав с исключительным чувством меры. По сути дела, В.Г. Лысенко в своем рассмотрении осталась в рамках вовсе не утратившей свою научную ценность методологической парадигмы, разработанной выдающимся учеником Ф.И. Щербатского О.О. Розенбергом (1888–1919). В исследовании реконструирован историко-культурный контекст оформления оригинальной индийской эпистемологии в ее брахманистской и буддийской разветвленности. Санскритский понятийно-терминологический аппарат интерпретирован с применением европейского общеполитического лексикона без повреждающих смысл попыток его отождествления с тем или иным частным течением мысли, возникшим вне Южноазиатского субконтинента. Вместе с тем индийская эпистемология проанализирована в книге именно как неотъемлемая составляющая философии, а не какой-либо другой уникально-экзотической формы духовной деятельности, не известной нигде, кроме Индии.

Безусловно, в реализации замысла книги В.Г. Лысенко сопутствовала большая творческая удача. Однако, невзирая на виртуозную простоту и ясность изложения, емкие и лаконичные определения сложнейших понятий, не следует обольщаться надеждой, будто бы

все это богатство в ближайшие годы станет той «прозой», которой вскоре заговорят в российских университетах преподаватели и студенты философских факультетов. Образовательные программы, функционирующие ныне, продолжают центрироваться на истории европейской мыслительной традиции. А расцветшая вроде бы пышным цветом философская компаративистика приносит не слишком насыщенные содержанием плоды, ибо «медленное чтение» индийских трактатов (пусть и достойно переведенных на русский язык) требует не только универсальной профессиональной эрудиции, но и изрядной быстроты ума. Можно все же надеяться, что обещанный читателям в предисловии к рецензируемой книге труд В.Г. Лысенко «Индийская и западная мысль о непосредственном и опосредованном в чувственном восприятии» будет благополучно завершён. Тем самым, возможно, осуществится крупный шаг к постижению «чужого» как своего — одного из вариантов развития человеческого интеллекта, рефлексирующего о возможностях когнитивного соприкосновения с реальностью. И санскритская философская терминология покажется в конце концов не более трудной для усвоения, нежели кантовская, гегелевская или гуссерлианская, не говоря уже о громоздком и неуклюжем лексиконе зарубежных и отечественных постмодернистских мыслителей.

Составленная В.Г. Лысенко антология исключительно ценна и захватывающе интересна. Из буддийских источников в ней представлены отрывки трактата Дигнаги «Праманасамуччая» с автокомментарием Дхарматтары в жанре *тика*.

Эпистемологическая позиция брахманистских школ презентирована с максимально возможной в столь небольшой по объёму книге полнотой. Позиция *ньяи* (школы науки логики) раскрывается в отрывках из так называемого «корневого» текста — «Ньяя-сутр», породивших обширную и долгую комментаторскую традицию, из комментария Ватсьяны «Ньяя-бхашья», трактата Уддѣттакары «Ньяя-варттика» и компендия Вачаспати Мишры «Татпарья-тика». Важно отметить в данной связи, что сочинение Вачаспати Мишры, философа-ведангиста, имеет в определенном смысле характер индийского историко-философского исследования — в нем эксплицирован виртуальный диспут найяика и буддиста.

Форма подачи брахманистских источников заслуживает особого внимания — извлечения из трактатов распределены как комментарии к каждому фрагменту «корневого» текста, что открывает ту историческую перспективу, в которой вызревала эпистемологическая теория школы *ньяя* и ее контраргументация, адресованная буддийским философам.

Позиция школы *вайшешика* представлена извлечением из трактата Прашастапады «Падартах-дхарма-санграха» с комментарием Шридхары «Ньяя-кандали», а школы *миманса* — отрывком из четвертой главы трактата Кумарилы Бхатты «Шлока-варттика» — «Исследование восприятия» («Прагьякша-париччхеда»).

Собственный комментарий В.Г. Лысенко к публикуемым переводам дается в виде постраничных сносок, предельно сжатых по объёму, но содержащих тем не менее оптимум информации, источниковедческой и историко-философской. Если учитывать, что антологии предпослано серьезное исследование, то комментарий к переводам можно считать вполне достаточным.

В целом рецензируемая монография оставляет впечатление яркой и сильной работы, созданной на стыке классической индианистики и историко-философской науки опытной рукой мастера. Эта превосходная книга, равно интересная и полезная для специалистов и подрастающей научной молодежи, вышла, к великому сожалению, слишком малым тиражом — 500 экземпляров. Думается, ее следовало бы безотлагательно переиздать с учетом потребностей расширяющегося востоковедного образования и обогащения библиотечных фондов российских гуманитарных вузов.

Е.П. Островская

Непомнящий А.А. Подвижники кривоверия. — Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2008. — т. 2: TAURICA ORIENTALIA (Библиография кривоверия; Вып. 12), 595 с.

Рецензируемая книга — двенадцатый выпуск основанной в 2004 г. серии «Библиография кривоверия» — представляет собой вторую часть и продолжение первой, вышедшей под тем же названием в 2006 г. в

Симферополе. Посвящена она российским востоковедам, в круг научных интересов которых входили проблемы изучения истории, археологии, филологии, этнографии и многих частных аспектов культуры тюркских народов, населявших Крым. Исследование охватывает период с 1783 по 1941 г.

Первая глава исследования посвящена началу изучения в России памятников истории и культуры Крыма. Пространное описание зарождения крымоведения сделано на основе печатных работ, публикаций материалов экспедиций академии наук, Летописи Российской академии наук, с привлечением большого количества архивных материалов. Подробно и обстоятельно, сообщая множество сведений биографического характера, автор рассказывает об экспедициях В.Ф. Зуева (1782 г.), П.С. Палласа (1793–1794 г.), о почти забытой экспедиции Ф.К. Маршалла фон Биберштейна (1795–1798 г.), экспедиции И.Ф. Паррота (1811–1815 г.), экспедициях Е.Е. Кёлера (1804 и 1821 гг.) и А.М. Шёгренена (1835 г.).

Обобщая представленный материал, автор делает выводы о важности академических экспедиций, которыми были выполнены первые географические описания края, проведена первичная систематизация крымских достопримечательностей и осознана необходимость сохранения памятников старины и предотвращения их разрушения. Как симптоматичный факт отмечено, что, напротив, не обходилось и без курьезных с нынешней точки зрения модернизационных попыток, демонстрирующих, что некоторые исследователи сами не всегда понимали истинное значение исторического наследия. Так, Е.Е. Кёлер предлагал снести ветхий дворец крымских ханов в Бахчисарае, а на его месте построить хороший, каменный и в ориентальном стиле.

В целом же рукописные и опубликованные материалы экспедиций и по сей день являются незаменимыми источниками сведений о тех исторических памятниках, которые либо не сохранились, либо по разным причинам подверглись впоследствии частичному разрушению.

Издание отчетов об экспедициях способствовало распространению научной информации и установлению контактов с западноевропейскими исследователями. Следует заметить, что научная информация вполне благополучно сосуществовала с очевидно неиз-

бынными стереотипами. Автор монографии, рассказывая о поездке П.С. Палласа в Берлин в 1910 г., приводит свидетельство палеонтолога Ж. Кювье, который расценивал возвращение в Европу человека, прожившего 15 лет в «Малой Татарии», как возвращение с того света.

Логическим продолжением главы, рассказывающей о комплексных экспедициях Петербургской академии наук, является раздел, посвященный становлению крымской научной этнографии, в Русском музее императора Александра III. Главная цель создания подобного музея — показать Россию в ее этническом разнообразии и историческом единстве. Для достижения этой цели очень важным представлялось взаимодействие и активное сотрудничество музея с местными преподавателями, членами губернских ученых архивных комиссий и старожилками — знатоками своего края. Для создания экспозиции музея были предприняты экспедиции в разные области империи, в том числе и в Крым. Для музея были приобретены вещи караимов, крымских греков, крымских татар — образцы вышивок, предметы повседневного быта и многое другое. Руководил экспедицией К.А. Иностранцев. Сбор коллекций позднее был продолжен П.Н. Бекетовым, П.З. Рябковым, С.С. Некрасовым, А.Н. Самойловичем. Приобретенные таким образом материалы послужили основой крупнейшей за пределами Крыма экспозиции, посвященной этнографии народов Крыма.

Не менее интересна и информативна статья о Лазаревском институте восточных языков в Москве как центре экспедиционных и теоретических исследований по истории крымских армян, татар, караимов. В Лазаревском институте обучались, преподавали и занимались наукой известные востоковеды В.А. Гордлевский, А.Е. Крымский, Х.И. Кучук-Иоаннесов, А.А. Олесницкий и др.

Отдельные главы посвящены патриархам крымской ориенталистики — В.В. Григорьеву, И.Н. Березину, Н.И. Веселовскому, В.Д. Смирнову, А.Н. Самойловичу. Существует обширная литература, посвященная их научной деятельности, тем не менее автор открывает забытые и малоизученные страницы их жизни, связанные с изучением Крыма.

Интересным по содержанию и по объему проработанных архивных документов является раздел, посвященный академику И.Ю. Крач-

ковскому. Его переписка с крупнейшими крымскими историками 20-х гг. XX в. У.А. Боданинским, О.Н.-А. Акчокраклы, А.И. Маркевичем, В.И. Филоненко, с которыми у академика складывалось прочное научное сотрудничество, является незаменимым источником для понимания состояния научной и общественной жизни как в Ленинграде и Москве, так и в дальней провинции у моря. Эти материалы автор впервые водит в научный оборот.

Очень основательным по полноте и содержанию информации, по глубокому осмыслению роли предмета исследования в самой структуре исторического знания и в общекультурном контексте является раздел, посвященный изучению и анализу крымоведческих библиографических памятников в корпусе ориенталистической библиографии.

Заключительная глава исследования повествует о трагических 30-х гг. XX в., когда новое, как это часто бывает, утверждало себя простым уничтожением старого, о разгроме краеведческого движения в масштабах страны и о нереализованных крымских исследовательских и издательских проектах.

Книга состоит из 16 глав и приложения, содержащего ранее не публиковавшиеся или изданные малым тиражом и представляющие библиографическую редкость работы классиков ориенталистики, известных представителей академического востоковедения, в чьем научном наследии определенное место занимало изучение Крыма, а также и краеведов — подвижников своего дела, чьи имена долгое время пребывали в забвении. Это работы И.М. Березина «Крым», И.Г. Георги «Таврические татары», Ф.Ф. Лашкова «Борьба русского народа с кочевниками и значение этой борьбы в истории», а также три статьи В.Д. Смирнова: «Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г.», «Положение крымских архивов и их значение» — и некролог И.Н. Березина. Кроме этого, в приложении помещены «Материалы по изучению крымской народной поэзии. Песня о Сейд-Амете» А.А. Олесницкого, отчет А.Н. Самойловича о поездке летом 1916 г. в Поволжье и Крым в этнографическую экспедицию и отзыв И.Ю. Крачковского о научно-общественной деятельности А.И. Маркевича.

Для всех глав монографии характерен самый тщательный отбор материала: печатных трудов ученых, заготовок для публикаций,

дневников, эпистолярного наследия и других документов личных архивных фондов. Автор открывает читателю целые пласты документальных источников центральных и ведомственных архивов Украины и Российской Федерации. Впечатляет объем проделанной в ходе подготовки монографии работы с этими документами.

Несомненное достоинство данного исследования состоит в том, что обширные библиографические сведения по истории изучения Крыма собраны в одном месте и расположены в хронологическом порядке. Они взаимно дополняют друг друга, позволяя понять суть и преемственность научных изысканий, увидеть, как непросто складывались отношения в профессиональной среде, а также проследить во всей полноте научной мысли, а иногда и человеческих отношений связь между академической наукой и провинциальным краеведением.

Наличие именного указателя и справочно-библиографического аппарата, выполненных со всей научной тщательностью, дают возможность пользоваться изданием как справочником и отсылают читателя и исследователя к самостоятельной работе с документальными источниками.

Иллюстративный материал, в значительной части опубликованный впервые, гармонично дополняет текст и способствует лучшему восприятию изложенного. Возможность всмотреться в лица подвижников крымоведения уже сама по себе помогает ощутить и лучше понять навсегда ушедшую, но такую недавнюю и такую важную для всех нас эпоху.

Книга как персонифицированная история изучения Крыма, как фундаментальное исследование справочно-аналитического характера, как определенный итог и обобщение результатов изучения вопросов данной тематики представляет интерес для широкого круга читателей, как специалистов — историков и востоковедов, так и тех, кто еще только открывает для себя богатый мир крымоведческих исследований. Ведь Крым для очень многих из нас неотрывен от нашего личного, полного живых переживаний прошлого, и вряд ли когда-нибудь мы сможем отнестись к этому уголку Евразии с академической бесстрастностью.

Л.В. Орел

Grażyna Zajęc. Smutna ojczyzna i ja smutny... Kręgi literackie epoki Abdülhamida II w świetle tureckiej autobiografii. — Kraków: Księgarnia Akademicka, 2008. — 519 s. ISBN 978-83-7188-132-9

Книга Гражины Зайонц посвящена весьма интересному периоду турецкой истории, хронологически охватывающему время правления султана Абдулхамида II (1876–1909). В истории турецкой литературы этот период называется II. Meşrutiyet (второй конституционный период). Изменения в литературе уже были предопределены предшествующей эпохой и деятельностью султанов-реформаторов (Селима III и Махмута II). Поэтому логичен замысел автора книги — начать с исторического описания эпохи. Именно этому вопросу посвящен 1-й раздел книги — “Najdłuższy wiek imperium...” («Самый долгий период империи») (с. 17–77). Описание важнейших событий дано в автобиографическом ключе. Показать эпоху, происходившие в ней изменения социально-исторического и литературного характера через автобиографии известных литературных деятелей стало основной задачей, которую поставила перед собой Гражина Зайонц. Книга польского исследователя является первой критической работой по теме турецкой автобиографии как в Турции, так и в Европе в целом.

Монография состоит из введения (с. 11–16), пяти разделов (с. 17–467), эпилога (с. 469–486), словаря восточных выражений (с. 487–492), указателя личных имен (с. 493–506), библиографии (с. 507–516) и резюме на английском языке (с. 517–519).

Во втором разделе — “Autorzy autobiografii — krótkie noty biograficzne” (с. 77–131) рассмотрены биографии 25 авторов, перу которых принадлежит больше 30 произведений, относящихся к жанру воспоминаний. Большинство рассмотренных авторов были сочинителями (16), кроме того, упомянуто несколько врачей, секретарь канцелярии при дворе султана, художник и две дочери султана Абдулхамида II. Каждая биография составлена по строго заданной схеме: указаны годы жизни, основные сведения о жизни и деятельности, творчество. Энциклопедический стиль позволил автору монографии в сжатом виде представить обширный материал. В книге рассмотрено более 20 важнейших произведений указанных авторов.

Книга об автобиографиях не может существовать без теоретической части, освещающей литературу предмета. Поэтому закономерно появление третьего раздела — “Autobiografia jako źródło wiedzy o czasach i ludziach” (с. 131–205), в котором автор отвечает на вопрос, что является настоящей автобиографией. Для отнесения произведения к числу автобиографий необходимо, чтобы оно соответствовало ряду условий (с. 133). Г. Зайонц опирается на работы и разработки таких литераторов, как Филипп Лежён (Philippe Lejeune) и Малгожата Черминьская (Małgorzata Czermińska). Автобиография не как жанр литературы, а как ценное произведение литературы, дающее разносторонние сведения об эпохе и людях, становится предметом исследования в рассматриваемой книге Г. Зайонц. Интерес к автобиографии в Турции и за ее пределами постоянно возрастает. На полках книжных магазинов можно увидеть воспоминания авторов как современных, так и прошлых столетий. Вслед за ведущим исследователем турецкой автобиографии Али Биринджи (Ali Birinci) Г. Зайонц перечисляет девять основных недостатков при переиздании автобиографий прошлых столетий (с. 140–142). В этом же третьем разделе рассматриваются автобиографические произведения избранных для анализа авторов (Бесиретчи Али Бей, Муаллим Наджи, Абдулхак Хамид, Ахмед Расим и др.). В каждой из автобиографий можно найти важные сведения по истории литературы и просвещения, истории книгопечатания, сведения об иностранцах и национальных меньшинствах в Османской империи, структуре мусульманской семьи, становлении и развитии театра, состоянии медицины и пр.

Четвертый раздел — “Książka, prasa, świat wydawniczy” (с. 205–297) посвящен истории книгопечатания и прессы в Турции. В XV в. по всей Европе быстрыми темпами распространяется книгопечатание. В Стамбуле первую типографию в 1493 г. открывает еврейский книгопечатник Авраам Галанди. В год смерти султана Селима I (1520) в Османской империи действовало 9 еврейских типографий, издавших 33 книги на иврите, испанском, греческом, армянском и латинском языках. В 1567 г. свою типографию открывают армяне. Малая заинтересованность местного населения книгопечатанием была обусловлена причинами не только религиозного, но также и экономического характера (с. 205–206).

Только в 1706 г. на территории Османской империи открывается типография в Алеппо, в которой впервые был использован арабский шрифт при издании Евангелия. Спустя несколько десятилетий в Турции появится человек, благодаря которому турки будут причислены к народам, использующим достижения печати. Родоначальником турецкой печати в 1720 г. стал принявший ислам Ибрагим Мютеферрика — протестантский ксендз из Венгрии. В основанной им в Стамбуле типографии вначале печатаются карты Османской империи, а с 1729 г. — и книги. Во времена правления султана Махмута I в 1741 г. построена и первая бумажная фабрика в империи. Развитие книгопечатания в империи не было равномерным, временами дело доходило до полного забвения (1755) или неожиданного расцвета (1796), когда была основана типография при военно-инженерной школе в Стамбуле.

В этом разделе Г. Зайонц также подробно рассматривает появление первых органов печати, таких как: “Takvim-i Vekeyi” (1832), “Ceride-i Navadis” (1840), “Tercuman-i Ahval” (1860), а также газет и журналов на иностранных языках, которые печатались в небольших типографиях при посольствах. В 1867 г. выходит в свет и газета “Muhbir”, первая газета, издаваемая в Лондоне турками-эмигрантами (с. 214). Наиболее значимые эмигрантские издательские центры действовали в Париже, Лионе, Лондоне, Женеве и Каире. Пресса в Турции стала не только трибуной, с которой оглашались важнейшие политические, экономические и социальные вопросы, но также и центром, вокруг которого спланивались самые прогрессивные деятели политики, культуры и литературы. На страницах газет и журналов пробуют свои творческие силы начинающие литераторы, предлагающие читателям как свои произведения, так и переводы иностранной литературы.

В подразделе 4.2 “Świat książki i prasy w oszaczach autobiografów” (с. 223–297) проблема развития книгопечатания и прессы рассмотрена через восприятие писателей в их автобиографиях. Несмотря на технические трудности, появляются все новые и новые журналы и газеты, многие из которых становятся творческой кузницей молодых талантов. Так, основанный в 1891 г. журнал “Mektep” станет центром притяжения талантливой османской молодежи и подготовит почву для появления

группы литераторов “Servet-i Fünun”, сыгравшей важную роль в формировании литературных процессов на стыке XIX и XX вв. Цензура, дошедшая до абсурда во время правления Абдулхамида II, тяжелым ярмом ляжет на плечи как литераторов, так и издательств (с. 256–279).

Проблемам литературного периода правления Абдулхамида II посвящен пятый раздел книги — “Życie literackie w Turcji doby Abdülhamida II” (с. 297–467). Раздел состоит из двух больших подразделов: “Przemiany w literaturze osmańskiej XIX wieku” (с. 297–342) и “Świat literatury we wspomnieniach pisarzy tureckich” (342–469). Автором книги выдержан принцип представления материала, вначале читатель знакомится с культурными, литературными и историческими процессами исследуемого периода, а позже те же явления показаны через восприятие писателей в автобиографиях. Литература Танзимата (1859–1896) и новая литература (1896–1901) — два основных периода в турецкой литературе XIX в. Творческая деятельность Ибрагима Шинаси, Намыка Кемаля, Ахмета Вефик Паши, Теодора Касапа, Ахмета Митхата Эфенди, Реджазаде Махмута Экрема, Шемсеттина Сами, Абдулхака Хамита Тархана и других писателей-просветителей эпохи Танзимата (реформ, направленных на европеизацию империи) предопределил дальнейшее развитие турецкой литературы. Писатели, затронувшие в своих произведениях злободневные проблемы культурной, социальной и политической жизни империи, прилагали максимум усилий, чтобы донести слово правды до простого турецкого читателя. Благодаря писателям эпохи Танзимата в турецкой литературе зародились новые жанры и стили, упрощался османский язык, очищаясь от арабских и персидских заимствований. Писатели новой литературы (литературы Servet-i Fünun) Тевфик Фикрет, Ахмет Решит Рей, Халид Зия Ушаклыгиль, Мехмет Рауф и др. сыграли важную роль в формировании политического и литературного кредо последующих поколений литераторов.

Книга заканчивается эпилогом (с. 469–486), в котором автор еще раз подчеркивает значение такого жанра литературы, как автобиография, для нашего представления об эпохах и людях. Автобиография является бесценным источником информации о таких исторических событиях, как войны, переселения, воз-

ведения на престол и низведение с него, землетрясения и пожары. В автобиографиях автор является непосредственным очевидцем не только значимых исторических перемен, но и участником событий повседневной жизни. Все это позволяет говорить об автобиографии как о культурном достоянии народа, обладающего бесценным наследием — свидетельством своего прошлого.

Два указателя — восточных понятий и терминов (с. 487–492) и личных имен (с. 493–506) — прекрасно дополняют издание. В обширной библиографии (с. 507–516) представлены источники и литература предмета.

Примечания к каждому разделу являются прекрасным дополнением к основному изложению. Их изобилие указывает на то, что автор владеет огромным материалом, который мог бы стать основой отдельного издания. Книга рассчитана как на специалистов по турецкой литературе, так и на широкий круг читателей. Встречающиеся термины, написание которых не устоялось в польском языке, даны в двояком написании — оригинальном и упрощенном. Кроме того, представлен их перевод. Такая подача материала позволяет эффективно пользоваться литературой предмета на турецком языке. Книга является прекрасным учебным пособием для студентов-тюркологов.

Галина Мишкинене

Лившиц В.А. Парфянская ономастика. — СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. — 397 с.

Автор рецензируемой книги Владимир Аронович Лившиц всемирно известен как специалист по древней иранской литературе, языку и письменности. Закончив в 1948 г. иранское отделение Восточного факультета Ленинградского университета, Владимир Аронович сразу же отправился в Среднюю Азию, где в это время шли активные археологические раскопки — работала Южно-Туркменстанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) под руководством М.Е. Массона. Первый документ на парфянском языке — небольшой черепок (острака) был найден в Нисе в 1934 г. еще до приезда Владимира Ароновича в Среднюю Азию. Но фотография, переданная ему А.А. Фрейманом, заинтересовала молодого ученого не

описанным и не изученным к тому времени типом документа и языком. Для того чтобы читатели могли оценить огромный труд, вложенный Владимиром Ароновичем в эту книгу, постараемся сделать некоторые пояснения. Владимира Ароновича интересовала не только ономастика, но и история Парфянского государства, его возникновение и гибель. После гибели Парфянского царства на его территории и на соседних землях образовалось большое количество малых государств, не утративших связь с Парфией благодаря языкам и письменностям, восходящим к арамейскому письму, манихейству и сходным хозяйственным навыкам.

Парфия, или Парфянское царство, занимало в период с 250 г. до н.э. и по 220-е гг. н.э. огромную территорию. Она простиралась к югу и юго-востоку от Каспийского моря на территории современного Туркменистана и подчиняла своему политическому влиянию обширные области от Месопотамии до границ Индии. Китайские историки называли это государство *Аньси*. Согласно общепринятым концепциям, существует 3 теории образования Парфянского царства. Наиболее популярную из них использует Владимир Аронович. Он исходит из версии, согласно которой Парфия привлекала благодаря своему могуществу и богатству народы, проживавшие к северу. Одним из этих народов были парны. Парны напали на Парфию с севера, разгромили местное войско, убили правителя Парфии Андрагора и захватили власть в свои руки. Правителем Парфии стал Аршак. Для читателя теперь понятно, почему Владимир Аронович все время называет Парфию аршакидской. Аршакиды правили Парфией с 250 г. до н.э. до 224 г. н.э. и стали постоянным соперником Рима на востоке.

Трудной проблемой для В.А. Лившица оказалось изучение парфянской письменности и языка. Парфянская письменность развивалась из арамейского письма, которое представляло собой консонантную фонетическую систему. В.А. Лившиц подробно описал письменные знаки, встретившиеся ему в парфянских документах. Дело в том, что арамейское письмо, так же как и греческое, было официальным административным письмом парфянской канцелярии. Впервые это стало ясным из парфянских документов, найденных и прочитанных в Туркестане и Турфане. К этому выводу пришел И.М. Дьяконов, кото-

рый принял участие в дешифровке документов. Арамейское письмо, в свою очередь, произошло от финикийского письма. Помимо арамейского письма из финикийского произошли многочисленные виды письменности, например такие, как еврейский, греческий, малоазийский, латинский алфавит, большинство индийских письменностей и многие другие виды, которые до нашего времени не дошли.

Наиболее ценной частью книги В.А. Лившица являются страницы 11–26. Здесь В.А. Лившиц дал глубокий анализ фонетики и лексики парфянских документов. Общий объем разобранного материала составлял 2756 документов-ostraка, найденных в 40–60-х гг. в Старой Нисе.

В.А. Лившиц выделил Старую Нису, древнюю столицу аршакидской Парфии, и Новую Нису, открытую в Северном Туркменистане в 30-е гг. XX в. В Новой Нисе было найдено всего около двух десятков ostraка.

Что представляли из себя ostraка? Лившиц дал их подробное описание. Это маленькие тонкие глиняные черепки, на которых нанесен текст. В этом регионе изготовление вина было главным занятием жителей. Текст, нанесенный на черепки, представлял собой формуляр, написанный по определенным правилам: сначала следует название виноградника, затем количество вина в хуме, его сорт (старого урожая, молодое, уксус), наконец, имя и должность того, кто сдал вино. Иногда в хумах оказывалось зерно или мука. Лившиц выяснил, что ostraка были черновыми записями. Данные с ostraка переписывались в особые ведомости, на пергаменте или другом материале. Ostraка после использования сведений выбрасывали. Иногда текст с них смывали и по первому тексту наносили второй. В более поздние времена ostraка использовали в качестве этикеток к хумам, но это случалось редко. Чаще надпись делали на самом хуме. Благодаря работам Владимира Ароновича получила подтверждение теория о существовании единообразного формуляра хозяйственных документов на всей территории бывшей Парфии, в Сасанидском Иране, в Центральной Азии и в областях Китая. Восточноиранское племя саков, проживавшее в Хотане, вместо ostraка использовало тонкие щепочки или палочки. Сведения на них заносились такого же типа: имя вносившего налог, месяц (саки вносили налоги ежемесячно),

название продукта и его вес. В нижней части документа записывалось не только имя налогоплательщика, но и имена свидетелей. Были обнаружены также и сводные ведомости, они обычно изготовлялись на китайской бумаге или бумаге местного производства. Часто для этого использовались оборотные стороны китайских свитков или уйгурских записей. Об использовании такой бумаги пишет и Лившиц.

Особый интерес представляют главы «Манихейство» (с. 27–33) и «Манихейская литература» (с. 34–46). Лившиц дает следующее определение манихейства: «Манихейство — синкретическая религия, в которой соединились элементы иудеохристианских, гностических, зороастрийского, митраистского и буддийского учений» (с. 27). Основатель учения, Мани (216–277), был хорошим проповедником, ходил из края в край Парфии, имел много учеников и последователей. К его учению прислушивались и цари, которые оказывали ему покровительство. В.А. Лившиц с большим интересом рассказывает биографию Мани, о его успехах и неудачах и, наконец, жестокой смерти в тюрьме. Зороастризм победил, хотя долго еще приверженцы Мани проживали и в Турфане, и в Вавилонии.

В 1900–1916 гг. в Центральной Азии работали многие европейские экспедиции, поэтому в рукописных собраниях Германии, Англии, Франции, Китая и Японии хранятся манихейские рукописи. Есть несколько экземпляров и в Институте восточных рукописей в Петербурге, привезенных А.И. Кохановским, В.И. Роборовским, Н.Н. Кротковым, П.К. Козловым. Этими рукописями занимался К.Г. Залеман, который опубликовал серию работ под названием “Manichaica”. Манихеи использовали пальмирское курсивное письмо арамейского происхождения. В.А. Лившиц дал подробную характеристику этой скорописи. В этом состоит важный момент его исследования арамейской письменности.

Глава «Манихейская литература» представляет собой одно из первых в русской науке описаний жанров и содержания сочинений, оставшихся только в рукописях. Впервые установил факт наличия манихейской литературы среди привезенных из Турфана и Дуньхуана рукописей Ф.В.К. Мюллер. Нередко листы из одних и тех же рукописей оказывались в разных хранилищах Европы, России, Китая, Японии. Поскольку средне-

персидский и парфянский языки считались официальными языками манихейской церкви, на них были написаны некоторые арамейские канонические сочинения Мани. Манихейская церковь признавала каноническими 5 или 7 книг, авторство которых приписывалось Мани. Первой из этих книг является сохранившееся на китайском и коптском языках «Живое евангелие», или «Живая проповедь». В.А. Лившиц исследовал языки сохранившейся первой канонической книги и обнаружил там иранскую эпическую терминологию, имена богов и демонов. Сохранился согдийский фрагмент известной «Книги гигантов». Это интерпретация манихейской легенды о падении ангелов с небес и рождении тиранического клана гигантов. Среди среднеперсидских и парфянских текстов, открытых в Турфане, много гимнов, сложенных в древней поэтической традиции, напоминавшей авестийские яшты.

Среди литературы найдены 3 сборника писем Мани. Особенно трогательно последнее письмо, написанное Мани в тюрьме, перед своей кончиной. Это своеобразное завещание учителя, обращенное к своему сыну и ученикам. Оно разошлось по всем пастырям, учителям и епископам, «братьям и сестрам».

Манихеи прославились и своей художественной литературой. Среди согдийской, среднеперсидской, парфянской литературы есть собрания гимнов и притч, превосходные сказки. В них видны влияния басен Эзопа, «Панчататры», «Калилы и Димны» в переводе с арабского языка. Характеристика этой литературы прославилась не только Владимира Ароновича, но и Хеннинга, А. Рагозы и др.

Имя Владимира Ароновича получило мировую известность благодаря колоссальной работе, которую он назвал «Парфянские личные имена, парфянские передачи среднеперсидских, семитских и других иноязычных имен, греческие и латинские передачи парфянских имен» (с. 53–201). В этой главе В.А. Лившиц продемонстрировал знание огромного количества языков. Всего он перевел и прокомментировал 888 личных имен. Имена были разбиты на несколько групп, каждая из них отличалась количеством слов, слогов, фонетической и грамматической характеристикой. Такая работа была проделана впервые. Одна эта глава достойна стать самостоятельным сочинением, впервые увидевшим свет.

Ценной частью исследования В.А. Лившица являются новые, впервые введенные в науку документы. Во-первых, Лившиц дешифровал новые находки из Старой Нисы. Всего 12 фрагментов, но они отличаются от прежних находок календарными указаниями. Названия месяцев и дней, представленные в документах, составляют календарь, созданный по образцу египетского солнечного календаря: в году 365 дней и 12 месяцев. Этот календарь был введен в Иране во второй половине V в. до н.э., около 441 г. до н.э.

Украшением книги Владимира Ароновича можно считать раздел «Геммы и буллы с парфянскими надписями». Надписи дешифрованы впервые. Раздел сопровождается иллюстрациями, которые драгоценны комментариями. Лившиц снабдил их историей находок, показавшими, какими путями шли торговые контакты между Западом и Востоком.

Впервые Владимир Аронович включил в свою книгу новые находки, которые дешифрованы и прокомментированы. Среди остраки и документов В.А. Лившиц описал «Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1». Могильник расположен около Омска и был раскрыт в 1989 г. По данным археологов погребение относится к III–II вв. до н.э. Две надписи указывают имя их хозяина, третья — только вес чаши. Надписи, хотя и кратко, содержат важную информацию: во-первых, интересно, как они попали в Омскую область. Указано имя вероятного владельца первой чаши. Это имя В.А. Лившиц прокомментировал и определил, что чаша была сделана в дар царю Амуржам, сыну Вардана, двумя сподвижниками — Барзаваном и сыном Тахумака. Дар — пиршественная чаша; датирована 3-м числом месяца фравартин (первый месяц зороастрийского календаря).

Две другие чаши менее интересны, поскольку они содержат только вес серебра.

Конечная часть книги содержит 6 документов, впервые дешифрованных В.А. Лившицем, переведенных на русский язык и прокомментированных. Комментарии, значительные по объему (с. 304–347), представляют наибольший интерес.

Заканчивается книга историческим заключением: «„Глава податей“ в Парфянском и Сасанидском Иране». В.А. Лившиц проанализировал термины, связанные с налогообложением в период с 250 г. до н.э. по 650 г. н.э. В этом разделе указано, кто конкретно

занимался сбором налогов и их учетом. Этот раздел, касающийся истории, ставит на свое место сведения, которые по сохранившимся остракам и документам разбросаны по разным территориям. Книга, названная автором «Парфянская ономастика», на самом деле представляет собой важное историческое и филологическое исследование языков огромной территории и проживающих на ней народов, описывает важный период в истории Ирана, Центральной Азии и Туркмении, сообщает ценную информацию о верованиях, их перемещении, религиозных войнах. До настоящего времени такого полного исследования аршакидской Парфии в иранистике не существовало.

М.И. Воробьева-Десятовская

Герасимов И.В. История публицистики Судана. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011 — 228 с.

Отношение к публицистике, под которой может пониматься вся общественная литература, как к источнику сведений по истории, социологии и другим гуманитарным наукам довольно долго было спорным. Собственно, оно остается неоднозначным и в настоящее время. Тем не менее все большее число отечественных и зарубежных ученых признают за публицистическими материалами право служить важным источником сведений по истории отдельных стран, и специалисты занимаются их изучением, исходя из признания самостоятельным объектом исследования.

Применительно к Ближнему Востоку, где формирование газетно-журнальной периодики происходило не только медленнее, чем в Европе, но и крайне неравномерно из-за большого числа территорий, входящих в понятие арабский мир, публицистика длительное время выступала одним из немногих источников информации по различным сферам жизни.

Именно этой проблеме посвящена книга И.В. Герасимова «История публицистики Судана». Монография состоит из введения, пяти глав, заключения, индекса имен, индекса названий периодических изданий, библиографии. В нем также содержатся иллюстративные материалы.

Ранние формы общественной литературы появились в Судане довольно давно, однако

первое дошедшее до настоящего времени суданское произведение, в котором затрагиваются социально-значимые проблемы, является агиографический словарь «Табакат» Ибн Дайфаллаха. Помимо этого источника широкой известностью пользовались письма-обращения махди к населению и своим эмирам в период восстания во второй половине XIX в.

В основном же публицистика периода, предшествовавшего появлению прессы, существовала в устной форме, выражаясь в проповедях в местных мечетях. В вводной части монографии автор уделяет этому периоду особое внимание, считая его определяющим для специфики формирования всей последующей литературы Судана, носившей ярко выраженный социальный характер.

Для некоторых стран, таких как, например, Мавритания, Судан и ряд других, газета лишь в XX в. стала служить источником сведений о событиях на регулярной основе. В ней, особенно на ранних этапах, помещались литературные произведения, поэтические материалы, а позднее комментарии на события, информация о деятельности политиков и колониальной администрации.

Несмотря на практическую необходимость изучения публицистики с учетом возрастающей роли СМИ в мире, и в частности в арабских странах, обращение к теме ее истории, в принципе, достаточно редкое явление. В этом смысле работа И.В. Герасимова является исключением и является важным вкладом в изучение этой проблемы.

Автор монографии демонстрирует глубокое владение историческим контекстом Судана, в котором зародилась национальная журналистика и публицистика. В работе нашла отражение борьба местных политических центров, представленных в основном главами суфийских общин. И.В. Герасимов справедливо отмечает, что египтяне и ливанцы, накопившие серьезный и успешный опыт в издательской и печатной деятельности, приглашались для консультаций в Судан. Они оказали влияние «на букву и дух» местных авторов и издателей на самом раннем этапе. В то же время автор монографии освещает действия англо-египетской колониальной администрации, с одной стороны, поощрявшей инициативу местных авторов и редакторов, готовых предоставлять материалы для публикации, что способствовало просвещению населения и вовлечению его в орбиту

политической жизни, с другой — колониальные чиновники стремилась держать прессу под своим полным контролем.

В монографии «История публицистики Судана» прослеживается история создания литературно-дискуссионных обществ «Абу Руф» и «Хашимаб», в недрах которых происходило формирование не только будущих прозаиков и поэтов Судана, но и литературных критиков, ученых, крупных политиков. Более того, эти два общества послужили хорошей базой для партий, вышедших на политическую сцену после Второй мировой войны.

Партии, которые появились в Судане лишь в середине 1930-х гг., стали использовать газетные полосы для выражения собственных взглядов, нередко расходившихся с курсом колониальных властей, однако в период Второй мировой войны все средства информации попали под военную цензуру и их политический пафос был ослаблен.

Помимо истории периодических изданий И.В. Герасимов исследует творческое наследие двух крупных суданских поэтов и литературных критиков, выступавших также и в качестве журналистов в период 1930-х гг.: Муавии Мухаммада Нура и ат-Тиджани Йусуфа Башира. Информация о них на русском языке незначительна, тем не менее их произведения вошли в программы обучения средних школ Судана и, по всей видимости, Египта.

Анализу истории становления прессы на ранних этапах отводится первая глава книги.

В связи с тем что в период, предшествовавший провозглашению независимости Судана в 1956 г., и в течение нескольких последующих десятилетий наряду с доминировавшими светскими темами на полосах изданий все больше затрагивались религиозные вопросы, появилась необходимость рассмотрения истории зарождения и деятельности организации «братьев-мусульман». С конца 1970-х гг. представители «братьев» оказали решающее влияние на всю идейную жизнь страны. Этот материал является редким и малоизвестным в отечественной историографии. Особое внимание уделяется тематическому разнообразию материалов, проводится сопоставление количества светских и религиозных из них.

К периоду 1960-х гг. в Судане сформировалась своя оригинальная школа журнали-

стики, в которую влились мастера пера «второй волны». Рассмотрению творчества отдельных из них автор монографии посвящает целый параграф. Это полезный материал, так как вводит в активный научный оборот ряд прежде неизвестных имен.

Одним из достоинств книги является то, что автор пытается соединить вместе политический фон и журналистику, подчеркивая тем самым неразрывную связь этих двух социальных явлений. В частях монографии, посвященных современности, прослеживается динамика политических событий — переворотов, смены гражданской власти военными, фактический приход к власти «братьев-мусульман» и попытка введения законов шариата по всей территории страны, включая христианский и анимистский Юг Судана.

В последней главе работы приводится большое количество названий периодических изданий 2000–2010 гг., делается попытка анализа их материалов и оценивается политическая направленность. Очевидно, что автору удалось практически полностью представить читателю всю палитру суданской журналистики как современного этапа, так и более ранних. Можно предположить, что это наиболее удачная в отечественной науке попытка собрать воедино и дать описание всех выходивших в Судане периодических изданий.

И.В. Герасимов представляет перевод отдельных фрагментов текстов статей, что позволяет фактами материалов прессы иллюстрировать и подтверждать выраженную точку зрения относительно тематических тенденций и политических процессов.

Автор прослеживает эволюцию аудиовизуальных средств информации с момента их зарождения.

В то же время в поле зрения И.В. Герасимова оказываются и новейшие электронные массмедиа. Их характеристика, по всей видимости, должна заслуживать самого пристального внимания и, возможно, продолжения проведения специальных исследований ввиду того эффекта, какой оказали СМК во время событий 2011 г. в таких странах, как Тунис, Египет, Ливия, Йемен, Бахрейн.

События на Ближнем Востоке, вызвавшие гигантские народные волнения и повлекшие за собой смену правящих политических режимов, со всей очевидностью показали роль современных массмедиа в воздействии на

массовое сознание. Сотни тысяч людей разного уровня образования, имеющих разный уровень доходов, могли в одночасье стать в равной мере носителями схожих идей, мобилизоваться и быть готовыми выступить против правящих режимов, причем одновременно. Еще каких-нибудь десять лет назад такое невозможно было даже представить.

Итак, перед нами очень серьезное многоплановое исследование, выполненное по ори-

гинальным арабским, европейским и отечественным материалам.

Монография И.В. Герасимова «История публицистики Судана» в полной мере дает возможность ознакомиться с историей становления суданской публицистики и с источниками по истории арабских средств коммуникации. Это исследование станет обязательным пособием по истории публицистики зарубежного Востока.

О.Б. Фролова